

Шалевич
Вячеслав
(актер)

22.05.04

Народному артисту России Вячеславу Шалевичу сегодня исполняется 70 лет. Он известен зрителю по фильмам «Три тополя на Плющихе», «Семнадцать мгновений весны», «Прощение» и другим. С начала актерской карьеры и по сей день работает в Театре имени Вахтангова. С ВЯЧЕСЛАВОМ ШАЛЕВИЧЕМ встретился корреспондент «Известий» АРТУР СОЛОМОНОВ.

— Ваша первая «встреча» с Театром Вахтангова произошла, если я не ошибаюсь, когда вы увидели здание этого театра, разрушенное бомбардировкой?

— Это была не первая встреча — я ведь жил во дворе Театра Вахтангова. Когда театр разбомбили, я был в бомбоубежище. Потом увидел развалины. Рядом проходила правительственная трасса, и перед тем, как восстановить театр, сначала вокруг развалин выстроили стену, чтобы не огорчать правительство. И я бегал по обломкам — война ведь для детей все равно игра. Мы собирали коллекцию осколков, соревновались — у кого осколок больше.

А когда актеры Театра Вахтангова вернулись из эвакуации, они получили комнаты в нашем доме. В нашем дворе жили Гриценко, Лукьянов, Пашкова, потом Ульянов. А мы были тогда хулиганчиками, и я

как-то разбил форточку у Гриценко. Он приходил к маме, просил три сорок восемь ему вернуть. Однажды я вывесил над ним на веревке дохлую кошку: он шел задумавшись и вдруг увидел ее. Какой ор стоял! Неудивительно, что когда я пришел в театр, он грозно сказал: «И ты здесь!» А когда мне было лет восемь, актер Лукьянов, дочку которого я обидел, подошел ко мне, поднял на руки, пронес несколько метров и опустил в лужу. И потом, когда мы встретились с ним в театре, я ему сказал: «Вы мой крестный! Помните ту купель?»

Поскольку театр был так близко, мы, арбатские мальчишки, туда часто ходили. Я пересмотрел все спектакли, ставшие легендарными: и «Мадмуазель Нитуш», и «Егор Булычев», и «Сирано де Бержерак». В годовые сороковые годы, когда мы все бегали кое-как одетые, посещение театра — как путешествие в сказку. Музыка, сцена, свет, все блистательно одеты! И следуя слову «Где родился, там и пригодился», я поступил в Щукинское училище. Потом — в труппу Театра Вахтангова. Попал я сразу же к Рубену Николаевичу Симонову, и мы в паре с Юлией Борисовой сыграли мой первый спектакль.

— Вы увиделись со своим отцом впервые, когда были уже взрослым человеком. Почему так произошло?

— Моя мать разошлась с отцом до моего рождения. Мне она всегда говорила, что он погиб в финскую войну. А потом, когда я был уже киноартистом, я приехал в город Бийск с выступлением. После встречи мне сказали: «Вас ищет отец. У всех спрашивают, где вас найти». Я вижу мужчину, который удаляется, догоняю его. «Вы кто?» — «Шалевич Анатолий Иванович». — «Вы что, мой отец, что ли?» — «И я так подумал». Мы с ним долго разговаривали, я спросил, почему же он не писал нам. Оказалось, он занимал какой-то важный пост в НКВД, а потом был репрессирован. А выйдя на свободу, остался по месту ссылки. Он думал, что нас тоже репрессировали, поскольку семью врага народа почти всегда тоже сажали. Я ответил, что со мной и мамой этого не случилось. «Так значит, я был невинен!» — сказал он.

— Он что, верил в свою вину?

— Да, такая была у многих психология тогда: если обвинили — значит виноват. Он понял, что не был врагом народа, лишь когда узнал, что нас не репрессировали. Отец мне оставил свою фотографию. Я приехал

в Москву, позвонила мама. «Как дела?» — «Отца встретил». — «Шалевича?» — «Да». — «Сейчас приеду». Она приезжает ко мне, смотрит на фотографию и говорит: «Вот сейчас была бы золотая свадьба». А потом: «Ну ты сказал ему, что я не поменяла фамилию, что дала тебе образование?» И тут я прослезился.

Потом я приезжал в Бийск, мы с ним виделись. Вскоре он умер. Я нашел его могилу, на которой было написано «1237/А». Я надел свой выходной костюм, пошел в горком, и мне пообещали написать там имя, оставили телефон, чтобы я мог позвонить и проверить. Но вскоре телефоны все сменились, и я до сих пор не знаю, изменилось ли что-нибудь на могиле отца.

— Расскажите о Рубене Симонове.

— Я помню, когда он скончался, его ночью привезли в фойе театра, чтобы на следующий день актеры могли с ним попрощаться. Мы, молодые артисты, попросили у директора театра разрешения постоять в карауле около Рубена Николаевича всю ночь. И там, у гроба, мы рассказывали массу историй о нем, и нам казалось, что он смеется вместе с нами.

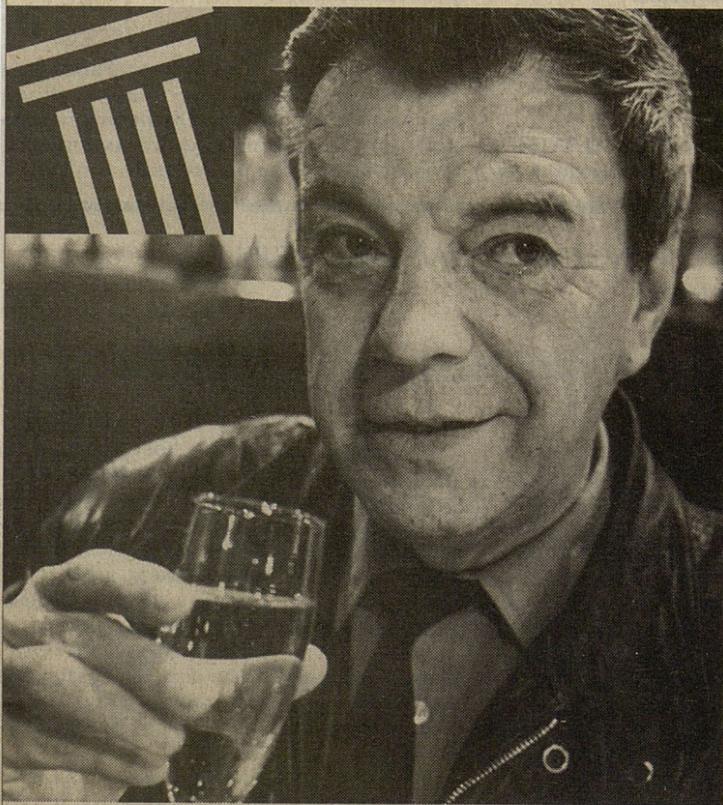
Например, мы вспомнили, как одна артистка нашего театра, когда мы были на гас-

ролях в Ленинграде, поехала с поклонниками на яхте по Невскому заливу. Ветер утих, парус опустился, они гребли к берегу руками, но она, конечно, опоздала. Спектакль отменили. Вызвали ее к Рубену Симонову. Она вошла, он ей говорит: «Все, допрыгалась девочка. Вы уволены!» Она в слезы, и в этот момент за окнами раздался похоронный марш — кого-то хоронили. И Рубен Николаевич утер слезы и сказал: «Скажите спасибо этому покойнику — вы восстановлены». Он, ученик Евгения Вахтангова, рассказывал нам, как однажды опаздывал на спектакль, бежал по лестнице и ударился головой в живот своего учителя. Вахтангов сказал: «Симонов, идите на спектакль». А когда Вахтангова стали спрашивать: «Почему вы не накажете Симонова?» — он ответил: «Я видел его лицо». Это так повлияло на Симонова, что когда человек действительно каялся, он его прощал. Помню, однажды один из актеров опоздал на свой выход и заставил всех ждать на сцене почти минуту. Он брilsя и услышал: «На выход». И с одной щекой в пене побежал на сцену. Потом он пришел к Симонову извиняться, а тот сказал: «Что вы, не переживайте. Я видел ваше лицо. Вы были весь белый, как в мыле».

АКТЕР ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЕВИЧ:

ПОЛОЖИТЕЛЬНОМУ ГЕРОЮ НЕЛЬЗЯ БЫЛО НИ ВЫПИТЬ, НИ ЗАКУСИТЬ

Известия - 2004 - 22 мая - с. 9

— Как вы поначалу отнеслись к предложению вам роли в фильме «Три тополя на Плющихе»?

— Я этот образ тогда понял как отрицательный. Тогда на экране положительному герою нельзя было ни выпить, ни закусить, ни с любовницей пойтись. А отрицательным все это было можно, язык у них был другой. Власть было их играть. Когда я прочел сценарий «Трех тополей», подумал: «Ну вот еще один бифштекс». И Татьяна Лиознова, когда я стал отказываться, сказала: «Слава, не валяйте дурака, я видела все, что вы делали в театре и кино. Такой роли вы еще не играли». А когда я увидел, как она работает, понял, с режиссером какого дарования я сотрудничаю. Был такой случай. Лежим мы с Татьяной Дорониной на телеге. Ждем сигнала ракеты, чтобы поехать, — это был момент, когда мы репетировали сцену свадьбы. И до-о-лго не дают этот сигнал. Жара жуткая, устали все. И Татьяна Васильевна, притворяясь неопытной, стала спрашивать: «Слава, вы, как человек опытный, скажите, в кино что, всегда так?» И я, начиная уже злиться, пытаюсь ей что-то объяснить. Вдруг ракета, и мы, счастливые, поехали. Отсняли сцену, а Лиознова потом спрашивает: «Это вас Таня завела?» — «Откуда вы знаете?» — «А у вас губы смеялись, а глаза нет».

Потом она пригласила меня в «Семнадцать мгновений весны» на роль Даллеса. Но я согласился бы играть у нее любую роль, даже часового у ворот.

— Обучение режиссуре повлияло на вашу актерскую игру?

— Я окончил Высшие режиссерские курсы, но не стесняюсь сказать, что я режиссер-дилетант. Я скорее «актерский режиссер». Ведь что сейчас происходит? Все ходят на режиссеров, смотреть на актерскую игру никто почти не ходит в театр. Петр Фоменко, ставя гениальные спектакли, проявляет еще и педагогику великую, а подавляющему большинству режиссеров не до того. Им нужно проявить себя — и точка. Театр Вахтангова испытал на себе много режиссерских стилей, поскольку наш художник Михаил Ульянов занял этот пост с идиотической формулировкой «без права постановки». И в нашем театре ставят Виктюк, Марчелли, Туминас, другие. У всех разный почерк, и очень немногие смогли соединить свой стиль с эстетикой Театра Вахтангова. Ведь когда-то даже замечательный режиссер Варпаховский не смог поставить у нас удачного спектакля.

Новые имена в режиссуре — и Чусова, и Серебренников, и другие — очень значительные фигуры, но не ставят основной задачей актерские достижения. У нас в театре ставил Мирзоев «Сирано де Бержерак»,

где я играл, и «Короля Лира». Первый спектакль был мне интересен, а «Короля Лира» я уже принять не могу. Может, я не такой «вумный». Мне кажется, многие режиссеры думают не о том, что они делают, а о том, что о них скажет критика.

— Василий Лановой в интервью «Известиям» говорил, что спектаклей Мирзоева не должно быть в Театре Вахтангова.

— Я очень нежно отношусь к Василию Семеновичу, но не всегда с ним согласен. Потому что если так рассуждать, то в Театр Вахтангова не должен был приходиться и Охлопков, который тогда числился «по ведомству» Мейерхольда. Если так рассуждать, то вместе с Товстоноговым должен был умереть и театр. Лановой сказал в интервью «Известиям», что «после «Сирано де Бержерака» хочется отмыться». Но подумал бы сначала, что там жена его играет и получила государственную премию за роль в этом спектакле. Но он максималист и всегда разговаривает в таком бескомпромиссном стиле. А театр должен развиваться. Я помню, как Рубен Симонов собрал стариков и сказал: «С сегодняшнего дня мы уходим на второй план. А работать будут Ульянов, Борисова и Яковлев». И сделал весь репертуар под них. Но какой же это был второй план! Какие шедевры создавали в своих эпизодах Гриценко, Плотников, Понсова!

— Сороковые годы, Арбат — что вспоминается?

— Вы знаете, сороковые годы — это огромная дисциплина. Ведь когда я рос, такого разгула криминала не было. Мама не боялась меня отпустить погулять. А сейчас? Моего ребенка бандиты «на счетчик ставили», его долг рос в геометрической прогрессии. Он продавал что-то на Арбате, а они, поскольку мой сын не хотел следовать их законам, «включили счетчик». Я ходил разбираться с ними. Подключил к этому делу кое-каких своих знакомых, они мне разрешили упомянуть их имена, и проблема решилась. Но сам этот факт ужасен.

Сколько я раньше ездил по ближнему и дальнему зарубежью, сколько людей я видел, сколько друзей приобрел! И развалить такую страну в одночасье! Да что об этом говорить... Как везде принимали нас, москвичей! А сейчас к Москве кроме презрения другого чувства никто в стране не испытывает.

— Давайте закончим в другой тональности. Недавно вы стали отцом. Узнаете в дочке свои черты? И сколько ей?

— Два года и десять месяцев. Ее рождение — такой подарок! Недавно мы отмечали День Победы, и я ей сказал: «Аня, с Днем Победы!» А она: «Ну давай пообедаем!» Ну как можно не расслабиться в этот момент?

09

КУЛЬТУРА

ЧЕТВЕРГ 27 МАЯ

ИЗВЕСТИЯ

№ 92 (26649) ИЗВЕСТИЯ

287